

УДК 821.111-312.9

ББК 84(7Coe)-44

К43

Ryan Kirk
NIGHTBLADE

All rights reserved. No part of this book may be reproduced in any form or by any electronic or mechanical means, including information storage and retrieval systems, without written permission from the author, except for the use of brief quotations in a book review.

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Иллюстрация на переплете Александры Еремеевой
Дизайн переплета Василия Половцева

Кирк, Райан.

К43 Клинок ночи : [роман] / Райан Кирк ; перевод с английского А. А. Румянцевой. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 512 с. — (Острые клинки. Фэнтези New Adult).

ISBN 978-5-17-167628-5

Великая война разделила Единое Королевство на три государства: Южное, Северное и Западное. Хроники утверждали, что войну развязали безжалостные Клинки Ночи, и вскоре их истребили во всех королевствах.

Спустя тысячу лет странствующий воин Шигеру подбирает Рю, когда тот лишается родителей после нападения разбойников. Обнаружив особый дар, которым обладает Рю, Шигеру берет мальчика в ученики.

В это же время тихую Морико, дочь лесоруба, забирают на обучение в монашеский орден Клинков Дня, которых она презирает. Монахи знают, какая сила скрывается в Морико.

А юная и прекрасная Такако отправляется в путешествие с отцом, не подозревая, какую долю ей выбрала семья.

Когда пути трех героев пересекутся, судьба Трех Королевств изменится навсегда...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(7Coe)-44

Copyright © 2015 Waterstone Media
© Румянцева А. А., перевод на русский язык, 2025
© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2025

ISBN 978-5-17-167628-5

ПОСВЯЩАЕТСЯ КЭТИ

ПРОЛОГ

Я ползу, бесшумно, словно тень, сквозь высокую траву, каждый затянувшийся миг перетекает в следующий. Мои глаза приспособились к темноте, и восходящая полная луна светит так же ярко, как солнце. Она проглядывает сквозь листву молодого леса, ясно освещая мне путь. Сегодня ночью луна примкнула к моим врагам, она помогает лучникам, изучающим траву и деревья в поисках признаков моего присутствия. Мне не нужен лунный свет, и я проклинаю необходимость действовать именно в эту ночь. Но мой враг, несомненно, благодарен за почти вездесущий свет луны.

Ночь блаценно прохладна, с севера дует сильный ветер, предвещая дождь. Воздух свеж, но пот течет с меня, пропитывая свободную черную одежду. Я в от-

КЛИНДК НОЧИ

личной форме, но необходимость оставаться незаметным изматывает. Ветерок, проносящийся по траве, не дотягивается до меня. К счастью, я чувствую, что безопасность и сумрак леса становятся ближе с каждым мучительным движением, знаменуя конец моего медленного продвижения по траве.

Я останавливаюсь, всего на несколько мгновений, чтобы сосредоточиться. Чем ближе застава, тем ближе я к опасности, которая терпеливо ожидает внутри. Даже сейчас я чувствую, как его аура ворочается на краю моего сознания. Я должен знать все, что происходит вокруг меня, замечать каждое движение всех живых существ. Но есть какая-то дыра, ощущение тьмы там, где тьмы не должно быть. Она находится недалеко от центра заставы, и мой опыт подсказывает: это человек, который хочет отнять у меня жизнь.

Трава достаточно высокая, чтобы я мог присесть на корточки и не быть обнаруженным, и тело благодарно за эту передышку. Подняв голову, я чувствую, как ветер треплет мои короткие волосы. Дышу глубоко и наполняю воздухом легкие, напряжение в теле исчезает, и я освобождаю свой разум, как меня учили много циклов назад.

С неподвижностью обостряются чувства, и я впитываю все, что они шепчут. Позади меня два лучника заняли позиции на деревьях, мимо которых я прошел как раз в тот момент, когда луна начала подниматься. Они еще не видят меня, и их зрение и слух нацелены вперед — они не знают, что я уже позади них. Иногда это должно быть страшно — не уметь чувствовать других. Полагаться только на зрение и слух. Знать с помощью животных инстинктов, которые мы постоянно

пытаемся отрицать, что опасность приближается, но быть не в состоянии разглядеть ничего, кроме обычного тихого вечера в лесу. С этим неведением, кажется, невозможно смириться.

Но если лучники и боятся, они — опытные солдаты и не показывают этого. Они неподвижны, стрелы свободно лежат на тетивах, ждут малейшего намека на какое-то неестественное движение в траве. Один из них, тот, что повыше, быстро оглядывает траву и окружающий лес. В других, более располагающих обстоятельствах, я бы, возможно, рассмеялся. Но сегодня я чувствую лишь мрачное удовлетворение. Он не найдет меня. Я спрятал свой дар, теперь я всего лишь призрак, а у него нет способностей, необходимых, чтобы обнаружить маленькую пустоту всего в двадцати шагах от себя.

Лучники — угроза, но с ней можно справиться. Я осторожно раскрываю свой дар, направляю его в сторону заставы. Скоро я снова войду в лес и буду в безопасности, скрытый от ищущих взглядов лучников. Затем предстоит короткий проход к расчищенному участку, который окружает заставу. Это место спроектировано так, чтобы быть скрытым от чужих глаз и защищенным, оно уникально для южных земель. За этим расчищенным участком находится стена вдвое выше человеческого роста. Юг еще не видел ничего подобного, но таких сооружений будет построено еще больше, поскольку лорд Акира продолжает претворять в жизнь планы по расширению своего королевства.

За стеной все светится жизнью. На этом форпосте более тридцати солдат, но нет ни женщин, ни детей. Я чувствую волны невероятного страха, они физиче-

КЛИНДК НОЧИ

ски ощутимы на фоне спокойного, тихого леса. До них дошли слухи, и они знают, на кого охотятся. Повсюду царит страх смерти, ужас, который охватывает даже самое отважное сердце, когда оно понимает, что на спасение нет шансов.

Я слишком хорошо знаю, что чувствуют эти солдаты, потому что ощущаю то же самое, хотя причина тому — не их численный перевес. Причина в том, кто сидит в центре этой заставы. Я ощущаю его только как пустоту, черноту в центре живой массы. Он также совершенно неподвижен и ищет меня. Не уверен, что он может почувствовать меня с такого расстояния. По крайней мере, в этом я его превосхожу. Но только в этом. К тому времени, как я доберусь до стены, он узнает меня и придет.

Я отодвигаю тьму — хотя бы на мгновение. Наша схватка произойдет, хочу я того или нет, и поэтому нет смысла беспокоиться. Я раскрываю свой дар еще раз, ища те две другие причины, по которым я здесь. Они тут, хотя их трудно найти. Перовую — потому что она слишком хорошо замаскировалась, вторую — потому что она едва жива и находится настолько близко к Великому Циклу, что я ее почти не ощущаю.

Я вновь сосредотачиваюсь, пальцы легонько оглаживают рукоять меча. Мы с этим клинком прошли долгий путь, чтобы оказаться здесь, и меч всегда был со мной — еще до того, как я отнял свою первую жизнь.

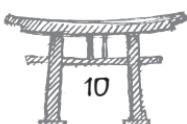
Когда рассветет, он снова обнажится, и хотя по поводу себя я надежд не питаю, верю, что сегодня меч отведает крови этой тени.

1

После полудня стало холодно, мороз пробирал до самых костей. На широких равнинах Южного королевства не было ни одного дерева, чтобы сдержать ветер, и тот рвался сквозь маленький караван, не обращая внимания на страдания, которые причинял. Холодный весенний воздух был плох сам по себе, но ветер закрадывался под одежду путников, вгоняя кинжалы льда в кожу. Снег метался вокруг деревенских жителей, создавая иллюзию снежной бури, солнце ярко пылало над ними в безоблачном небе, но ничем помочь не могло.

Караван был едва ли достаточно велик, чтобы его вообще можно было так назвать. Всего лишь группка торговцев из маленькой деревушки, которые шли пешком четыре дня, чтобы добраться до Нью-Хейвена,

столицы Южного королевства. Теперь же они возвращались домой, радуясь неожиданно удачной торговле в городе, но тут поднялся ветер. Они оказались в ловушке посреди равнин, почти на полпути к дому, и решить, что делать дальше, было нелегко. Их самопровозглашенный проводник, местный который тратил столько же времени на прогулки по равнинам, сколько и на работу в кузнице, считал, что они находятся всего в одном трудном дне пути от дома. Но никто уже не был уверен, где они находятся. Невозможно было разглядеть под ветром и снегом знаки, обозначавшие тропу, а те равнины, которые были видны, казались одинаковыми, в какую сторону ни посмотри.

В караване была всего дюжина человек. Троє старейшин, шедших со всеми, чтобы помочь в переговорах, кузнец и две семьи. Первая семья состояла из купца, везшего из деревни ткани и полотно, его жены и сына. Мальчику было тридцать циклов от рода, и он бунтовал против своей семьи. Всю дорогу он всех раздражал. Он хотел стать великим воином и поэтому без конца таскался за двумя солдатами, которых наняли в качестве эскорта. Из-за этого он часто отлынивал от дел, которые задумывал для него отец, — например, знакомства с миром торговли в Нью-Хейвене.

Замыкала группу семья крестьян — сравнительно молодая, но уважаемая пара, с ними был их первый и единственный сын. Он только что перешагнул порог своего пятого цикла, и это была первая его поездка в большой город — запоздалый подарок от родителей.

Путешественники взяли с собой теплые вещи, но они не были готовы к такой свирепой и продолжительной буре. Весна в их деревне была переменчивой.

Штормы случались регулярно, но сильные — так редко, что старейшины, закаленные прожитыми жизненными циклами, могли отмахнуться от потенциальной угрозы. Весной в город почти не ездили, пусть погода стояла спокойная, хотя и холодная, и раннее начало торговли могло увеличить доход всей деревни. Это был просчитанный риск, но он не оправдался. Путешественникам нечасто доводилось видеть бури, подобные той, в которую они попали. И поскольку ветер продолжал завывать и прекращать не собирался, беспокойство постепенно перерастало в страх. Риск замерзнуть насмерть становился тем выше, чем дольше длилась буря.

После полудня всех продолжал вести кузнец, и в караване начались разногласия. Никто не узнавал ориентиров, хотя кузнец уверял, что они приближаются к дому. Яростная буря не утихала, и путешественники решили остановиться и попытаться развести огонь. Благодаря усилиям четырех мужчин удалось разжечь небольшой костер, и все двенадцать членов каравана прижались друг к другу, чтобы согреться. Даже солдаты, стойко сопротивлявшиеся натиску непогоды, решили, что разумнее всего держаться поближе к горящим дровам.

Путешественники не могли видеть, как садится солнце, но по мере того, как становилось темнее, обсуждение того, что делать дальше, становилось все жарче и наполнялось сомнениями. Страх нарастал, прогрызая себе путь в самые крепкие сердца членов группы, и разум уступал накалившимся эмоциям. Кузнец клялся, что они уже близко и до дома не больше половины дня пути. Он рассчитывал продолжить путь

ночью, чтобы добраться до деревни, пока не рассвело. Старейшины колебались и в итоге разошлись во мнениях, а солдаты ничем не могли помочь.

Именно купец решительнее всех выступил за продолжение путешествия. Ему не нравилось находиться вдали от домашнего очага, и его растущая нервозность не давала ему покоя.

— Это небезопасные земли. Мы открыты и беззащитны, у нас есть товары и золото, которые привлекут любую странствующую банду налетчиков. Лучший способ снизить риски — это находиться в дороге как можно меньше. Мы должны продолжать путь.

Солдаты молча согласились. Они были из местного ополчения и поступили туда лишь в начале этого цикла, так что стремились избежать конфликта. Старейшины тоже кивнули. Хотя купец был самым богатым — и негласным лидером каравана, — традиции и представления о чести требовали, чтобы окончательное решение принимали старейшины.

Крестьянин оглядел остальных и увидел, что никто не осмелился возразить купцу. Этот человек был влиятелен в городе, и выступление против него могло стоить дорого. Но крестьянин беспокоился о своей семье, к тому же заблудиться на открытой местности во время снежной бури было гораздо опаснее, чем встретить банду налетчиков. После минутного колебания он заговорил.

— Меня беспокоит, что мы можем быть не так близко к дому, как нам кажется. Я обрабатываю земли, прилегающие к нашей деревне, и я не узнаю этих мест. Уйти от костра — значит подвергнуть опасности

здоровье моего сына и жены. Давайте лучше разобьем лагерь у огня. Эта же выюга, которая застигла нас врасплох, наверняка держит разбойников в норах, которые они себе вырыли. Безопаснее путешествовать днем, согреваясь тем теплом, которое может дать нам солнце. Молодым и старым, — добавил он, бросив многозначительный взгляд на старейшин, — было бы неразумно идти по такому холоду, вдали от теплого лагеря.

Старейшины, сидя вместе, не спеша совещались.

Купец и кузнец обменялись полными досады взглядами, крестьянин смотрел на них. Он уже привык к неторопливости старииков. Но их караван был полон молодых людей, и терпеливо ждать старших они не умели. Купец и кузнец перешептывались, но крестьянин держал язык за зубами. Порицать нерешительность и медлительность старейшин было обычным делом, но он подобного не совершил. Когда-нибудь крестьянин сам станет старейшиной, и он предпочел бы уважительное отношение, а не шепотки за спиной.

Старейшины пришли к решению до того, как людей начал бить озноб. Старейший из них выступил в роли представителя, как того требовала традиция.

— Крестьянин прав. Путешествовать в таких условиях опаснее, чем встретиться с разбойниками. Мы отправимся в путь с первыми лучами солнца, если, конечно, буря утихнет.

Купец шагнул вперед, уже приоткрыл рот, чтобы запротестовать, но рука жены удержала его. Решение старейшин было окончательным, а солдаты обязаны были им подчиняться. И хотя купец был расстроен, публичный протест не принес бы ему никакой пользы —

только бы навредил его торговле по возвращении в деревню. У него было два варианта: он мог либо забрать свою семью и уехать без поддержки солдат, либо подчиниться решению старейшин.

Крестьянин краем глаза внимательно наблюдал за купцом. Хотя у него была внешность обычного трудяги, привязанного к земле, в деревне его хорошо знали благодаря острому уму и проницательности. Когда он был моложе, совсем юным, старейшины подозревали, что он обладает кое-какими способностями к чувственному восприятию; но он всегда отрицал свою склонность к подобному и никогда не проходил тесты, которые монахи устраивали детям во всех Трех Королевствах. Крестьянин знал, что нажил себе врага в виде купца, по крайней мере на время. Торговать с ним будет невыгодно, и ему придется продавать продукты в других деревнях. Эти мысли он отложил в сторону — к остальным крупицам информации, которые держал в голове.

Взгляд крестьянина задержался на купце еще на мгновение, а затем вернулся к семье. Все его тревоги растаяли, как снег у костра, когда он увидел своего сына. Мальчик был еще слишком мал, чтобы понять суть этого спора, и довольствовался тем, что сидел между матерью и огнем. Крестьянин гордился своим сыном. Ребенок был необычайно одаренным, и это было очевидно всем, кто с ним встречался. Он научился говорить гораздо раньше, чем любой ребенок, которого помнили старейшины. В возрасте пяти циклов он задавал вопросы всем и обо всем, а его память была безупречной. Крестьянин сначала не решался везти сына в Нью-Хейвен, но его опасения оказались

необоснованными, а сделки, которые он заключил, были гораздо выгоднее, чем то, что он бы получил, продавая свой товар через купца.

Крестьянин всегда охотно потакал любопытству сына, с искренней радостью поддерживая любые его увлечения и интересы. Он никогда не лгал ему и позволял спрашивать обо всем, что тому взбредет в голову. По городу они почти не ходили, потому что мальчик останавливался через каждые два шага, чтобы засыпать вопросами каждого, кто бы его ни слушал, и некоторые из них были почти неуместны. Тогда крестьянин впервые попросил сына повременить с вопросами, чтобы они могли заняться делами. Мальчик, как и всегда, спросил почему, и его отец не мог решить, плакать ему или смеяться от неуемного любопытства сына. К счастью, мальчик послушал отца и спрашивал только о важном, пока они не покинули городские окраины. И как только они миновали последние дома, он вновь начал сыпать вопросами.

Крестьянин заставил себя сосредоточиться на настоящем. Их лагерь пришел в движение, готовя убежище на ночь. Поскольку главный вопрос был решен, им потребовалось совсем немного времени, чтобы разжечь посильнее костер и собрать побольше дров из запасов каравана. Время караула определили для каждого из солдат, купец с крестьянином тоже согласились нести стражу.

Вскоре путники улеглись вокруг костра, закрывшись повозками и скотом. Ночь прошла без происшествий, и темнота уступила место мягким, но настойчивым лучам восходящего солнца. По привычке вся семья крестьянина проснулась, чтобы встретить рассвет.

Дома у них было много работы, и солнечный свет был самым ценным из ресурсов. Следом проснулись солдаты, привыкшие к гарнизонному распорядку, семья купца и старейшины пробудились последними.

Рассвет нового дня поднял настроение всем путникам. Сомнения в том, выживут ли они, отступили, когда сквозь облака пробился набирающий силу солнечный свет. Мужчины сохраняли самообладание на протяжении всей ночи, но каждый из них хотя бы раз задумывался, не одолеют ли снег и ветер их костер и смогут ли они согреться.

Но надежды сменились тревогой, когда выяснилось, что кузнец покинул лагерь. Солдат, который дежурил последним, сказал, что кузнец проснулся рано, еще до восхода солнца, и ушел искать дорогу. Крестьянин и купец отложили свои разногласия и пришли к выводу, что, даже если это и так, он должен был вернуться к тому времени, как они проснулись.

Эта новость вызвала новые споры между торговцами. Старейшины считали, что кузнец нашел дорогу домой и решил, что уют домашнего очага важнее, чем благополучие путешественников. События последних нескольких дней убедили их в том, что они сделали неправильный выбор, назначив этого человека проводником. Деревня должна была быть неподалеку, и кузнец мог предположить, что остальные смогут легко дойти до нее сами.

Также была вероятность, что кузнец сам заблудился. Старейшины не преминули заметить, что то, что кузнец не добрался до дома, — это наиболее логичное объяснение. Хотя они и не знали, что случилось с кузнецом, но были уверены, что виной всему

произошедшему стала его неумелость. С этим мнением быстро согласился купец.

Последнее предположение, озвученное крестьянином, вызвало у всех ужас: он считал, что на кузнеца напали разбойники. Старейшины и купец быстро отбросили эту идею — к вящей радости солдат. Ни один разбойник не стал бы промышлять в такую погоду. И во всех проблемах, конечно, был виноват сам кузнец.

Крестьянин не стал спорить, но видел, как забегали глаза старейшин. Он пришел к выводу, что страх всегда основан на неизвестности, а неизвестного тут было достаточно, чтобы напугать любого. Крестьянин сочувствовал кузнецу — он был знаком с ним много циклов, и хотя тот не отличался сноровкой в работе с металлами, крестьянин признавал, что никто не ориентируется в их местности лучше. Потому ему казалось гораздо более вероятным, что кузнецу причинили вред, случайно или умышленно. Он надеялся, что ошибается, но сердцем чувствовал, что это не так.

Обсудив все варианты, старейшины решили, что крестьянин, знающий местность лучше остальных, должен отвести их домой. Тот возражал, утверждая, что он не знает этих земель и уходить было бы опаснее, чем остаться. Однако старейшины настаивали, все хотели вернуться домой. И крестьянину не оставалось ничего другого, как согласиться стать проводником.

Крестьянин тихонько поделился своими опасениями с женой, но она ему ничего не сказала. Он всегда ценил это в ней. Его жена не жаловалась на тяготы в повседневной жизни — или даже на те трудности, что выходят за рамки повседневности. Вместо того чтобы жаловаться и давать оценки, она действовала.

